

УДК 81'42

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.07

Код ВАК 10.02.19

Д. Р. Будаева

Нижний Тагил, Россия

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. *Рассматривается специфика употребления колоративов в политическом дискурсе. С точки зрения культурологии, истории политического языка, психологии детально проанализировано происхождение, история употребления и семантика употребляющихся в политических текстах в символическом значении цветообозначений (красный, коричневый, зеленый, голубой, синий и т. д.). Охарактеризованы различия в функционировании колоративов в национальных языках, обусловленные как историческими и социально-политическими реалиями, так и особенностями концептуализации в языковых картинах мира.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *колоратив; символ; политический дискурс; пропаганда; коннотация; гипотеза лингвистической относительности.*

D.R.Budaeva

Nizhny Tagil, Russia

NAMES OF COLORS IN POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *Specificity of usage of color terms in political discourse is discussed. From the point of view of culturology history of political language and psychology the author analyzes etymology, history of usage and semantics of color names used in symbolic meaning in political texts (red, brown, green, blue, dark blue etc.). Differences in functioning of color terms in national languages are characterized, which are determined not only by historical and social-political realia, but also by peculiarities of conceptualization in language world pictures.*

KEY WORDS: *color term; symbol; political discourse; propaganda; connotation; hypothesis of linguistic relativity.*

ВВЕДЕНИЕ

Цветообозначения представляют собой одну из наиболее интересных для изучения тематических групп слов. Популярность цветообозначений как предмета исследования объясняется тем, что, в отличие от многих других объединений слов, у которых даже сама тематическая классификация представляет несомненную трудность, они непосредственно соотносятся с экстралингвистической реальностью — цветовым спектром.

Как писала Р. М. Фрумкина, представляет интерес описание тех лексических групп, которые представимы как системы. При достаточно строгом подходе к определению понятия «системно организованное множество объектов» по настоящему структурированной оказывается лишь незначительная часть лексики, — как правило, множества слов и словосочетаний, выделенные по «семантическому» принципу, точнее, по тому куску действительности, который они призваны описывать [Фрумкина 2006: 46]. Наиболее типичным примером такого множества, наряду с терминами родства, и является система цветообозначений.

Широкая эксплуатация цвета в качестве политического символа связана с тем, что он существует для человека не сам по себе, а как свойство тех или иных вещей. Ассоциативная цепь, появляющаяся в результате восприятия цвета, является индивидуальной, отражает личный опыт каждого человека, но в то же время — даже в большей степени — общей для всех людей.

Традиция использования колоративов в качестве важного экспрессивного и прагматического средства уходит в далекое прошлое. В древнейших текстах цветообозначения выполняли прежде всего символическую функцию. Цвет в силу природной значимости для человека, обусловленной важностью для него того предмета или явления, которое этим цветом наделялось, не воспринимался эстетически, а слова, его называющие, не использовались для живописания мира. В древнем тексте неуместными были индивидуализированный портрет и живописный пейзаж — отсюда и слабая насыщенность текстов цветообозначениями.

Применительно к человеческой культуре верны следующие

щие слова: «Если цветовой признак извлечен и показан как важное свойство, тогда такой признак — не просто цвет... он символ» [Колесов 1986: 220]. Цвет, являясь составной частью окружающей действительности, присутствует во всех чувственно воспринимаемых явлениях и предметах. Политические субъекты активно используют цвет не только в качестве отличительного знака, позволяющего идентифицировать партии, движения, этнические группы и т. д., с установлением или отрицанием при этом взаимных контактов, но и как самостоятельный символ, который обладает колоссальными возможностями регулирования и упорядочивания социально-политических процессов.

Трудности, возникающие при семантическом и когнитивно-прагматическом исследовании цветообозначений в лингвистике, и проблема сопоставления вербальных и невербальных знаков обусловлены тем, что цветообозначения представляют собой, по терминологии Пирса, «образные иконические знаки», характеризующиеся «фактическим подобием означаемого и означающего». Лексемы типа «красный», «желтый» и т. п. относятся к базовым категориям человеческого мышления и «содержат такое количество информации об объекте или явлении, которого оказывается достаточно для большинства ситуаций, в которых человек с ними встречается» [Пирс 2000].

В настоящей статье мы рассмотрим генезис и эволюцию политических колоративов, общую семиотику политических цветообозначений, а также соотношение универсального и национального в цветовых наименованиях современного политического дискурса.

1. ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОЛОРАТИВОВ

Важная задача политической лингвистики — анализ генезиса базовых смыслов политических знаков дискурса.

Интересную версию о происхождении семантики политических колоративов предложил ученый В. У. Тэрнер [Тэрнер 1983]. Исследователь считает, что к основной цветовой триаде относятся красный, белый и черный, символизирующие основные формы универсального человеческого опыта, связанного с отпращиванием жизненных функций. Эти цвета ас-

социруются, по его мнению, с определенными жидкостями, истечениями, выделениями человеческого тела: красный — с кровью, белый — с грудным молоком и семенем, а черный — с экскрементами и мочой. Таким образом, данная цветовая триада относится к числу древнейших символов, которые были созданы человеком; они связаны с продуктами человеческого тела, выделение которых сопровождается повышенным эмоциональным напряжением. Это включается в архетип человека как процесс переживания наслаждения и боли. Поэтому политические субъекты чаще всего используют названные цвета (в виде триады, диады или по отдельности) в роли мощного и действенного символа.

Красный, белый и черный трансцендентны для человеческого сознания, с их помощью можно контролировать социально-политические отношения. Кроме того, цвета-архетипы имеют объединяющие значения. Так, красный — цвет солнца, мужчины, жизни, крови. Это символ связи матери и ребенка, что, в свою очередь, способствует формированию социальной организации, так как передача крови от поколения к поколению выступает своеобразным «маркером» членства в социальной группе. В то же время красный — цвет добычи, животной пищи, войны, смерти. В связи с этим красный цвет в высшей степени амбивалентен: он связан как с положительными эмоциями и смысловыми рядами, так и с отрицательными. Белый — цвет жизни, здоровья, лунного света, женщины, силы, чистоты, отсутствия смерти, цвет семени (обозначение союза мужчины и женщины), материнского молока (связи матери и ребенка). Этот цвет выступает символом социального единства, сплоченности, традиции. Черный — цвет зла, страдания, болезни, смерти, ночи, тьмы; как цвет экскрементов и выделений он символизирует переход из одного социального статуса в другой. В то же время черный, являясь цветом дождевых туч, плодородной земли, символизирует единство большой группы (общности), которая функционирует на основе общих жизненных ценностей.

В концепции В. Тэрнера политические субъекты, используя цвета из основной триады, получают возможность, «приручив физиологические силы», управлять любым объектом. Цвета из триады могут выступать и как мощный символиче-

ский фон, создающий определенный эмоциональный и физиологический настрой, облегчающий внедрение в сознание индивидов нужных идей, норм, ценностей, социально-психологических ориентиров, управленческих моделей без анализа, логической экспертизы, рефлексии. А. Гитлер отмечал, что красно-бело-черные цвета «безусловно, лучше всех остальных. Это самый могущественный аккорд красок, который вообще только возможен». Именно красный, белый и черный цвета были задействованы при создании национал-социалистического флага, и «новое, невиданное дотоле знамя производило могучее агитационное влияние. Это был действительно достойный символ!».

В качестве объединяющих политических символов сочетание красного, белого и черного часто используется в то время, когда возникает необходимость объединить разрушающуюся социально-политическую общность. Например, плакаты Д. Моора «Ты записался добровольцем?» (1920), Кукрыниксов «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!» (1941), И. Тоидзе «Родина-мать зовет!» (1941) построены на сочетании трех цветов-архетипов. На плакате Д. Моора наблюдается равномерное, гармоничное слияние черного, белого и красного; на плакате Кукрыниксов черным цветом на белом фоне изображена фигура Гитлера и сделана надпись «Договор о ненападении между СССР и Германией», им противостоит красно-белый советский солдат, при этом слова «беспощадно разгромим и уничтожим» выполнены красным цветом, а «врага» — черным. На плакате И. Тоидзе Родина-мать изображена всеми тремя цветами, призыв «Родина-мать зовет!» — красным на белом фоне, а штывки и военная присяга — черными на белом фоне.

Необходимо отметить, что некоторые сочетания цветов крайне негативно влияют на психику человека. Исследователи отмечают, что сочетание желтого и черного является политическим символом опасности. Это связано с тем, что первый враг приматов — леопард — окрашен именно в эти цвета. Если же к сочетанию желтого и черного прибавить красный, то получится еще более негативный и опасный символ: к окраске леопарда присоединяется цвет крови. Так, в Нью-Джерси один из домов был окрашен в ярко-желтый цвет, по

которому черными и красными буквами была сделана надпись. Очень скоро власти получили коллективную жалобу, в которой говорилось, что подобное сочетание цветов «представляет опасность для психического и физического здоровья жителей». Сочетание красного, желтого и черного часто используется в политической агитации и пропаганде как символ витальной опасности. Например, в агитационном листке, распространявшемся перед выборами в Государственную думу РФ в декабре 1999 г. (авторы и выходные данные не указывались) на ядовито-желтом фоне был изображен красный медведь и помещалась черная надпись: «Блок „Единство“. Голосуйте за моего (имелся в виду Б. А. Березовский — Д. Б.) медведя».

При конструировании политического текста цвет не всегда выступает в качестве символа. Так, в агитационных плакатах и листовках красный иногда используется просто для создания «центра тяжести», превращается в сигнал, служащий для привлечения внимания. В некоторых случаях два символа, соединенных вместе, — цвет и какое-либо графическое изображение или предмет — могут резко диссонировать и приобретать негативный смысл. Диссонанс возникает также из-за несоответствия цвета функции окрашиваемого предмета. Например, ярко-красные или ярко-желтые столы, стулья, шкафы не будут создавать ощущения гармонии, так как мебель не ассоциируется в нашем сознании с таким цветом. В начале 1930-х гг. в красный цвет часто окрашивали не только здания, в которых располагались органы советской власти, но и жилые дома, и если в первом случае наблюдается соответствие символического значения цвета функциональному предназначению здания, то во втором случае такого соответствия уже нет. В то же время пестрые цвета войдут в противоречие, скажем, с формами и функциональным назначением административного здания или кабинета руководящего работника. Неприятие вызовут и блюда, в агитационных целях окрашенные (с помощью кулинарных средств) в неприсущие им цвета, например синий картофель, зеленые пирожные, серый крем и т. д.

Система цветообозначений в современных европейских языках складывалась на протяжении многих веков, а цвето-

вые ощущения человека изменялись в процессе развития от элементарных цветоощущений до высокоразвитого чувства цвета у современного человека. В работе «Цветобозначения в русском языке» Э. Онол дает описание гипотезы последовательности этапов в развитии цветоощущений. Первые периоды человеческого цветового опыта ограничивались выделением белого и черного цветов, затем следовал период возникновения красно-желтых тонов.

По мнению сторонников этой гипотезы, творчество Гомера относится ко второму периоду. Опираясь на материал его произведений, многие ученые пытались доказать, что древние не различали некоторые цветовые оттенки, указывая на то, что в поэзии Гомера нет четких обозначений, например, для синего цвета. Он «не знал лилового цвета, фиолетовый смешивал с пурпурным, пурпуровыми он называет и одежды, и кровь, и радугу, и облака» [Мичугина 2005: 45]. Последняя, третья стадия характеризовалась восприятием холодных тонов, таких, как зеленый, синий и фиолетовые цвета. Согласно данной теории эволюции цветоощущений, восприятие всех основных цветов возникло на основе первичного смутного и недифференцированного ощущения светового потока. Предполагается, что неясность и относительная бедность цветовых выражений в древней литературе отражала неполноту цветовых ощущений в те времена.

В исследованиях на материале старославянского языка также отмечается, что «цветовая палитра представлена довольно бедно: в ней нет, например, ни желтого, ни синего, ни голубого, ни серого цветов» [Вендина 2002: 244]. Это, по мнению исследователей, объясняется особенностями средневекового мышления, для которого использование атрибутов цвета — довольно редкое явление.

По наблюдениям ученых, по мере обогащения человеческого опыта происходило развитие и обогащение системы цветобозначений. Можно назвать различные источники ее пополнения. В истории мировой культуры выделяется несколько периодов, когда накопление наименований цветов в европейских языках происходило наиболее активно. Особое место занимает период научно-технической революции и последующего развития промышленности, в частности ткацкой

и красильной, когда создавалось множество новых оттенков цвета, неизвестных и невозможных до того момента, что повлекло за собой обогащение цветовой терминологии.

Начиная с XVI в. активным источником политических цветообозначений стала литература, поскольку создание политических образов требовало все новых и новых наименований, в том числе цветowych. М. А. Бородина и В. Г. Гак справедливо отмечают, что «расширение словаря цветообозначений было вызвано также эстетическими потребностями развивающейся литературы, в первую очередь поэзии, создавались поэтические синонимы общеупотребительных цветowych терминов...» [Бородина, Гак 1979: 151]. В ходе дальнейшего развития речи постепенно увеличилось число цветowych выражений, обозначающих различные нюансы одного и того же цвета: «Если представить само развитие колоризма в виде графика, то кривая оказывается волнообразной, с большими падениями и подъемами, и все же неуклонно стремящейся вверх; причем высшими точками подъема этой кривой является эпоха конца XIX века и начала XX веков» [Мичугина 2005: 138]. Таким образом, достижения в разных областях человеческой деятельности в отмеченный период отразились в количественном и качественном составе лексики европейских языков.

Еще одним источником обогащения политической лексики цветообозначений явились заимствования: «...Известно, что французский язык XVII века „снабдил“ многие европейские языки словами культурного слоя, включающими и термины цвета» [Василевич 2003: 13]. Другая волна заимствований прошла в конце XVIII в. и была связана с влиянием Французской революции на Европу.

Одной из особенностей общественно-политического дискурса новейшего времени является развитие новых значений у колоративов, функционирующих главным образом в структуре устойчивых словосочетаний. Значительный вклад в обогащение политического дискурса такого рода новациями внесли, в частности, бурные события последних лет на Украине, на политической арене которой появилось множество партий и общественных движений, часто называемых в СМИ неофициальными цветоассоциативными наименованиями, соответ-

ствующими цветовой символике, использовавшейся в предвыборной пиар-кампании. Так, определение «оранжевый» вошло в политический дискурс в словосочетании «оранжевая революция» в конце 2004 г., а субстантивированное прилагательное «оранжевые» стало собирательным наименованием не только представителей украинских партий и движений националистической и проамериканской ориентации, но и партий прозападного толка в других странах бывшего СССР. Ср.: *«Именно к этому и стремится российская „оранжевая“ оппозиция — господа Касьянов, Каспаров и уже с ними, которых открыто финансируют из-за рубежа атлантисты...»* (Крымская правда. 21.09.2006).

Как показывает специальное исследование [Баранова, Пономарева 2007], значительно расширилась цветовая гамма для определения различных политических сил Украины в период последних парламентских выборов и последовавших за ними событий. Это и те же *оранжевые* — партия «Наша Украина» и союзные им партии, *бело-голубые* (варианты: синие, бело-синие) — «Партия регионов Украины» и их союзники, *зеленые* — «Партия зеленых Украины», *малиновые* — «Социалистическая партия Украины» и традиционные *красные* — несколько разновидностей коммунистических партий. По мере развития политической ситуации изменялась сочетаемость цветовых определений, а иногда и сами определения. Так, в процессе группировки и перегруппировки различных политических сил в украинском парламенте определение *оранжевый* из сочетаний *оранжевое большинство, оранжевая коалиция* перешло в сочетания *оранжевая оппозиция, оранжево-синяя коалиция*. В русскоязычных украинских СМИ определение *оранжевый* в экспрессивно-стилистических целях замещается иногда украинским (заимствованным из польского) эквивалентом *помаранчевый*, что придает тексту очевидную отрицательную оценочную окраску. Ср.: *«Проамериканская помаранчевая коалиция испустила дух... Демократия по-помаранчевому уже показала себя...»* (Крымская правда. 15.07.2006).

Разумеется, традиция цветовой атрибутики общественных сил возникла не в связи с последними событиями на Украине. Цветоассоциативные наименования партий и движе-

ний существовали и ранее. Достаточно вспомнить известную историческую оппозицию *красных* и *белых* в России времен революции и Гражданской войны. При этом следует отметить разную судьбу этих слов — наименований противоборствующих политических сил. Как известно, слово *белый* вошло в политический лексикон в словосочетании *белый террор* во Франции в 1815 г., когда после «Ста дней» и реставрации Бурбонов по стране прокатилась волна репрессий против революционеров и бонапартистов, названных тогда «белым террором». Позднее это цветообозначение стало обобщенным определением контрреволюции и ее сторонников. Именно в этом значении оно вошло в русский язык, а затем стало употребляться в виде кальки и в других языках, в частности в английском (только применительно к событиям определенного исторического периода в России).

В революционную эпоху начала XX в., став актуальным, определение *белый* активно функционировало в русском языке в структуре словосочетаний (*белое движение, белая армия, белая гвардия, белый генерал*), в качестве самостоятельного слова — субстантивированного прилагательного *белые* — и в структуре сложных слов (*белогвардейцы, белополяки, белоказаки*), однако со временем, утратив актуальность, перешло в разряд историзмов, каковым остается до настоящего времени.

На современной политической арене отсутствуют партии или движения, позиционирующие себя как «белые». Что же касается их политических оппонентов — «красных», то это определение продолжает функционировать в языке, претерпев определенные семантические трансформации. До революции 1917 г. красный — это «крайне левый по политическим убеждениям, революционно настроенный» [Ушаков], после революции — «относящийся к революционной деятельности, революционный, связанный с Советским строем, с Красной Армией» [МАС].

В новой, демократической России определение *красные* относится к совокупности «организаций и движений, придерживающихся коммунистической ориентации, коммунистической идеологии». Будучи зафиксированным в этом значении в «Толковом словаре современного русского языка» (2001),

колоратив снабжен пометами «Полит. Неодобр.», что свидетельствует о явном изменении аксиологических характеристик данного определения в современном русском языке.

Во многие языки мира, включая русский, вошло определение *коричневый* с ярко выраженным пейоративным значением. События Второй мировой войны, преступления нацистов и их многомиллионные жертвы — тот исторический фон, на котором возникло словосочетание *коричневая чума* как обобщенное экспрессивно-оценочное наименование фашизма, получившего определение по цвету униформы его основателей — «коричневорубашечников». Субстантивированное прилагательное *коричневые* зафиксировано в современных словарях в значении «общественные и политические силы, близкие к фашизму, представители этих сил» [Толковый словарь 2001] с пометами «Полит. Неодобр.».

Определение *коричневый* в структуре широко употребляемых в прессе словосочетаний *коричневая угроза*, *коричневая опасность* напоминает об угрозе возрождения фашизма. В сочетании с цветовым определением какой-либо партии или движения (*красно-коричневые*, *оранжево-коричневые*) этот колоратив не только указывает на близость идеологии данной политической силы к идеологии фашизма, но и придает составному определению отчетливо выраженную экспрессивно-оценочную семантику.

В словаре современного русского языка [Толковый словарь 2001] слово *красно-коричневые* с дефиницией «организации и движения национал-коммунистической ориентации и их сторонники» также снабжено пометами «Полит. Неодобр.». Колористические определения, отличающиеся очевидной стилистической маркированностью, закрепляются в языке на долгое или короткое время в зависимости от значимости определяемой ими политической силы в жизни общества.

Итак, цвет, как никакой другой символ, может являться мощнейшим управленческим средством в силу архетипичности и универсальности значений, формирование которых восходит к отдаленным периодам становления человеческого мышления и языка. Вместе с тем наблюдается варьирование смыслов политических колоративов с течением времени

и изменением социально-политической ситуации.

2. ОБЩАЯ СЕМИОТИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ

Цвет часто используется в качестве самостоятельного политического символа, что связано с его возможностью активировать необходимые эмоции, непосредственно влияя на регулирование социально-политических процессов. К тому же цветовые символические средства хорошо подходят для иллюстрации абстрактных политических понятий.

Рассмотрим семиотику цветообозначений в современном политическом дискурсе. Для этого дадим общую характеристику цвета, его психофизиологического воздействия на адресата, а также использования в семиотическом пространстве политики.

Красный — возбуждающий, экспрессивный, страстный, кричащий цвет. Психофизиологическое воздействие: вызывает ощущение тепла, усиливая мускульное напряжение, а также кровяное давление; наблюдаются усиление и учащение пульса и ритма дыхания. Это цвет возбуждающий, активный, богатый ассоциациями, выражающий жизненную силу, нервную активность, стремление к успеху, он символизирует физическую силу и активность, лишённую духовности. Именно поэтому красный цвет — это прежде всего цвет бунтов и революций, в которых ставка делается на активность и агрессию, а не на рефлексию и рассудительность.

Красный цвет символизирует во всем мире революционную борьбу против эксплуататоров. Впервые, как упоминают античные авторы, его использовали во Фригии восставшие рабы, которые в качестве отличий носили красные фригийские колпаки. Красный цвет использовался во время многих восстаний. Последним стихийным использованием красного цвета в доимпериалистическую эпоху явились красные знамена во время восстания тайпинов в Южном Китае в середине XIX в.

В Европе красный цвет стал символизировать восставших против монархической тирании с 1789 г., когда был отнят как регальный (символ власти) цвет у короля и стал цветом санкюлотов и якобинцев, носивших красные «фригийские» шапочки и шарфы. Затем красный цвет становится цветом

революционных масс, участвующих в буржуазно-демократических революциях в виде отдельных отрядов или объединений. С 1871 г., после Парижской коммуны, красный цвет становится символом пролетарского международного движения. Именно как символ пролетарского революционного движения с 1876 г. красный цвет принимают русские революционеры, а с 1898 г. красное знамя становится партийным знаменем РСДРП.

Красный — цвет власти, войны, доблести и славы. В Древнем Египте почитался красный лотос как символ крови, пролитой Осирисом во имя процветания страны. У персов, скифов, массагетов красный был цветом воинского сословия и самого царя как первого воина. Римские полководцы при триумфе окрашивали все свое тело в красный цвет. В христианстве красный амбивалентен: с одной стороны, это символ «поругания» Христа, а также ада и дьявола, с другой — крови Христа, любви Бога к человечеству и материнской любви Марии.

Красный в политике — прежде всего символ борьбы за свободу, независимость, против угнетения и насилия. Именно эти смыслы легли в основу традиционных теперь уже представлений о том, что красный цвет — цвет всего, что связано с коммунизмом и социализмом. Красный цвет становится символом коммунизма в 1917 г. В это же время, в сравнении с красным, приобретает политическое значение и его оттенки: розовый — цвет оппортунизма в мировом рабочем движении, малиновый — цвет анархо-синдикалистских группировок и партий в рабочем движении (вместо черного или наряду с ним).

В качестве политического символа выступает связанный с красным пурпурный цвет.

Пурпурный — темно-красный или ярко-красный цвет с фиолетовым оттенком, получающийся в результате соединения красного с синим — «небесным», трансцендентным, божественным цветом, — а поэтому являющийся цветом «не для всех». В поздней античности употребление пурпурного цвета в одежде подлежало государственному контролю. Этот цвет разрешалось носить только императорам и высокопоставленным лицам. В Византии только василевс подписывал

ся пурпурными чернилами, восседал на пурпурном троне, носил пурпурные сапоги. В церковном культе применялось алтарное Евангелие пурпурного цвета, а в VI в. из столичных мастерских вышла серия рукописей на пурпурном пергаменте.

Оранжевый — возбуждающий, шумный, кричащий, жаркий, знойный, бодрый, веселый, пламенный, жизнерадостный цвет. Психофизиологическое воздействие: повышается работоспособность и аппетит, улучшается пищеварение, увеличивается мускульная сила, возникает чувство эйфории. В то же время этот цвет вызывает быстрое утомление.

Оранжевый редко используется в качестве политического символа. Это связано с тем, что соединение в нем цветов различных характеров (красного и желтого) создает впечатление некоторого диссонанса, противоречивости, несогласованности. Оранжевый цвет — это цвет оранжистской партии в Нидерландах. Ассоциирование оранжевого цвета с этой партией является фонетической метафорой. В Нидерландах в период Нидерландской буржуазной революции XVI в. оранжистами в широком смысле назывались участники революции, сражавшиеся на стороне принца Вильгельма Оранского, в более узком и точном смысле — приверженцы политического курса Вильгельма Оранского, представлявшие численно сравнительно небольшую группу, состоявшую главным образом из кальвинистских дворян, консервативных бюргеров, представителей интеллигенции. В Республике Соединенных провинций конца XVI—XVIII вв. оранжистами называли сторонников статхаудеров (штатгальтеров) Голландии и Зеландии из Оранского дома (так называемая оранжистская партия, или партия статхаудера). В наши дни представители этой партии в качестве символических «маркеров» употребляют окрашенные в оранжевый цвет майки, шарфы, шапочки, воздушные шары и т. д.

В современном политическом дискурсе оранжевый цвет ассоциируется с президентскими выборами на Украине в 2004 г., получившими название «Оранжевая революция», а в оппозиционном дискурсе — *оранжевая революция, оранжевый шабаш, оранжевый переворот*. Эти события изменили политический вектор развития Украины, а следовательно, и весь политический дискурс и массмедийный политический

дискурс в частности.

Особенностями использования оранжевых колоративов в массмедийном политическом дискурсе «послемайданного» периода стали конфликтогенность и агрессивность, которые и предопределили общее направление речевого воздействия. Употребление данного колоратива ослабляет установки толерантности в массмедийной политической речи, особенно в контексте нарратива «Выборы». Колоратив тяготеет к бескомпромиссности, непримиримости, речевой агрессии. Политическая интолерантность публичных лиц, включая руководителей страны, громкие скандалы, обвинения в предательстве национальных интересов, антигосударственной, противоправной деятельности, сепаратизме, уголовном прошлом стали частью жизни социума, а следовательно, и собственно медийным контентом 2004-2010 гг. в условиях политического выбора, каковым является избирательная кампания.

Введение колоратива *оранжевый* в систему оценок общества изменяет имеющиеся представления о справедливости общественной системы, позволяет адресанту без какой-либо аргументации не только соотнести свои действия и действия своих оппонентов со справедливой, на его взгляд, оценкой, но и осуществить широкомасштабное манипулятивное воздействие на общественное сознание, используя в качестве канала такого воздействия необъятный коммуникативный ресурс массмедиа.

Колоратив *оранжевый* употребляется с целью размежевания «наших» и «не наших», формирования в массовом сознании мегасимволов Добра и Зла. Важно иметь в виду, что колоративы используются не изолированно — в контексте они выступают своеобразными словесными ярлыками, маркерами чуждости, символами Зла, провоцирующими негативное отношение, формирующими образ врага в общественном сознании: *оранжевые нацики, оранжи, померанцы* (от укр. помаранчевый 'оранжевый'), *оранжевые фашисты, майданутые* (о тех, кто стоял на Майдане в 2004 г. — сторонниках В. Ющенко), *оранжевая галичанско-чикагская камарилья* (о западноукраинских сторонниках В. Ющенко; апелляция к американскому гражданству и месту рождения жены В. Ющенко — Чикаго), *оранжевый клан, оранжевый путч,*

ющеннизм [Кудрявцева].

Аналогичная закономерность прослеживается в материалах исследования Л. Н. Синельниковой [Синельникова 2010]. Носителями агональных оценок являются тропы, с помощью которых происходит своеобразная «разметка» зон и сфер политического влияния: *оранжевая нива, оранжевый грибок Украины, цветной вирус, оранжевый костер инфляции*.

Во время событий 2004 г. актуализация оранжевого цвета была тесно связана с идеологически «антонимичным» цветом — бело-голубым. Этот цвет ассоциировался с противниками оранжевых — Партией регионов и её сторонниками. «Бело-голубые» активно эксплуатировали страх перед оранжевым фашизмом. Сторонников оранжевой революции бело-голубые называли *нашистами* (о представителях партии «Наша Украина», аналогия с номинацией *фашисты*), употребляли по отношению к ним выражения *оранжево-коричневая истерия* (в данном случае активизирована устойчивая связь между коричневым цветом и германским фашизмом), *оранжевые нацики, выползшие из схронов* (о националистах, апелляция к ОУН-УПА — организации украинских националистов, которые проживали в лесных землянках — «схронах» — в послевоенные годы в период партизанской войны с советской властью).

«Оранжевые» отвечали на обвинения «бело-голубых» криминальными метафорами. В дискурсе «оранжевых» политических сил базовым страхом, активно эксплуатируемым в периоды всех избирательных кампаний, выступает страх перед криминальными структурами. Речевые средства нагнетания этого страха разнообразны и многочисленны. Прежде всего это вербальные ярлыки, как внедренные в массмедиа в 2004 г. (*бело-голубой зэк Бандюкович* (о Януковиче), *донецкие бандиты* (о его соратниках)), так и появившиеся в период избирательной кампании 2009-2010 гг. (*донецкий пацанат* (от жаргонного *пацан* — член криминальной группировки), *бандитский край*). С помощью них создается негативный образ не только политических оппонентов, но уже всех избирателей региона, голосующего за Януковича.

Вскоре после Оранжевой революции недавние соратники рассорились. Так образовался еще один центр политической

силы — БЮТ (Блок Юлии Тимошенко), сторонники которого использовали белую цветовую символику. Так, лидер блока БЮТ, единственная известная украинская женщина-политик, использует подчеркнутый сексизм как главный инструмент воздействия на электорат: бесконечные наряды «от кутюр», белый цвет одежд (символ чистоты, невинности), кокетливые сердечки на белом фоне в атрибутике возглавляемого ею политического блока — все это вкупе с косой-веночком (апелляция к украинскому фольклору) создает необычайно завлекательный образ. Он коррелирует с ярлыками и лозунгами: *кыця, цяця, бело-сердечные, „Голосуї сердцем!“*.

Коричневый — соединение красного с черным — символ смирения, отречения, земли. Однако наиболее известны другие ассоциации коричневого цвета с политической действительностью. Коричневый цвет в истории политики появляется как производный от черного, хотя в хроматическом плане он ближе к красному. Германский нацизм приблизительно семьдесят лет назад добавил к черному архетипу итальянского фашизма оранжевый архетип утопического социализма, что в итоге дало коричневый цвет — архетип нацизма. В отличие от итальянских «чернорубашечников», для которых черный цвет символизировал бунтарство, германский фашизм отождествлялся с «коричневыми» по цвету униформы штурмовых отрядов Гитлера. Результаты их антигуманной деятельности, направленной на уничтожение народов Европы и Советского Союза, получили определение *коричневой чумы*, что вызывает психологическое неприятие этого символа. Коричневый цвет связывается с неофашизмом, крайне правыми, радикальными, националистическими партиями.

Желтый — веселый, солнечный, праздничный, радостный, кокетливый, суетливый, звонкий цвет, заставляющий смеяться и создающий хорошее настроение; это цвет блеска и великолепия. Желтый выражает несдерживаемую экспансивность, раскованность, полную радостных надежд изменчивость. Психологические эксперименты показали, что это самый веселый цвет, настраивающий человека на интерес к внешнему миру, на общение, контактность, эмоциональную вовлеченность и коммуникабельность. Символизм желтого напрямую связан с солярными архаичными культами. Жел-

тый (или золотой) подобен солнечному свету, поэтому он является любимым у правителей и жрецов, царей и служителей культа. Желтый цвет символизировал Китай и китайского императора, поэтому китайские простолюдины в прошлом не имели права одеваться в желтое — цвет правящей династии.

В средневековой европейской культуре символика желтого связана с золотом, отождествляемым со светом, славой, величием. Желтый — это цвет жизни и здоровья, так как золото не подвержено старению, тлению, смерти, разрушению. В то же время желтый цвет, и прежде всего его оттенки, наделяется (особенно с XVI в.) негативным смыслом. Желтый превращается в цвет измены, лжи, предательства, легкомысленности, непостоянства, зависти, коварства, позора: желтые шляпы — знак несостоятельных должников, желтые кольца на плащах — клеймо еврея, «желтый дом» — дом для сумасшедших, и т. д. Такое отношение к желтому обусловлено тем, что это цвет лица больного человека или человека, снедаемого завистью, злобой и ненавистью. В данном отношении показателен факт, описанный в научной литературе: слепому от рождения человеку в возрасте тридцати лет была произведена операция, в результате которой он получил зрение. Самое негативное воздействие оказывал на него желтый цвет [Бабайцев 2007: 58].

Необходимо подчеркнуть, что желтый особенно восприимчив к загрязнению и замутнению. Малейшая примесь другого цвета, уменьшение насыщенности и чистоты, изменение тона совершенно меняют эмоциональное воздействие желтого. Это свойство часто используется художниками при производстве плакатов. Мутный желтый цвет часто употребляется в политических карикатурах для того, чтобы придать негативизм какому-либо предмету, явлению или всему сюжету.

Как политический символ желтый используется также для того, чтобы выразить негативное отношение к предателям, двурушникам и лжецам. Желтая пресса — это газеты и журналы, печатающие на своих страницах непроверенную информацию, сплетни, ложь. Этот термин происходит от комикса «Желтый ребенок» (The Yellow Kid), печатавшегося в 1894-1898 гг. в газетах «Нью-Йорк Уорлд» (New York World), издаваемой Джозефом Пулитцером, и «Нью-Йорк Джорнал

Америкэн» (New York Journal American). Обе газеты, кроме печатания комикса, были известны тем, что сообщали об убийствах, несчастных случаях на пожарах и т. п. с целью развлечь своих читателей. Кроме того, они начали между собой полемику из-за прав авторства на комикс. Третья газета назвала их полемику *желтой прессой*, и выражение стало крылатым.

Одним из наиболее известных примеров использования символики желтого цвета в политическом дискурсе связан с Рабочим интернационалом, созданным в 1889 г. До начала 1900-х гг. в Интернационале преобладала революционная точка зрения. На конгрессах принимались решения о невозможности союза с буржуазией, недопустимости вхождения в буржуазные правительства, протесты против милитаризма и войны и т. п. В дальнейшем более значительную роль в Интернационале стали играть реформисты, что вызвало обвинения со стороны левых в оппортунизме. С началом Первой мировой войны в 1914 г. бóльшая часть партий и профсоюзов, отказавшись от классовой борьбы, встала на точку зрения классового мира и защиты отечества.

После этого изменения политической конфигурации В. И. Ленин презрительно назвал II Интернационал «желтым» (по аналогии с «желтыми билетами» проституток). «Желтые билеты», в свою очередь, восходят к указу Николая I, узаконившему в дореволюционной России проституцию и публичные дома (проституткам вменялось в обязанность иметь специальный «желтый билет», в котором, в частности, подробно описывалось состояние их здоровья). Вместе с тем Социинтерн как правопреемник II Интернационала не без гордости использует желтый цвет как официальный, считая, что это цвет знамени тех, кто работает не за страх, а за совесть.

Зеленый — спокойный, уютный, влажный, освежающий цвет, создающий впечатление покоя, уравновешенности, стабильности, умиротворенности. Зеленый напрямую связан с природой, он чаще, чем другие цвета, вызывает сходные ассоциации: растительность, леса, луга, поля, природа вообще, иногда — море. Незрелость первых зеленых листьев, и прежде всего плодов, сравнивается с юностью, молодостью, неопытностью, но также и с весной, жизнью, плодородо-

дием, радостным ожиданием, надеждой.

В политическом дискурсе зеленый используется довольно часто, причем в нескольких значениях: как священный цвет ислама (символизирует зеленые сады рая); как цвет природы (зеленый цвет на государственных флагах, трактуемый как цвет плодородия), экологической чистоты (движение «зеленых» в различных странах мира); как цвет жизни, свободы и развития (партийный цвет ПАСОК — Всегреческого социалистического движения); как цвет мира («зеленая линия» на Кипре, в Бейруте и т. д.). В целом зеленый ассоциируется с альтернативными движениями, в основе которых лежит «отказ от свертехнизации жизни и пропаганда возврата к естественному (природному) образу жизни».

Вместе с тем существуют примеры негативных смыслов зеленого цвета. В инкской письменности кипу зеленый цвет обозначал завоевание, противника или количество человек, умерших у противника. Эмоциональный тон зеленого, как и желтого, очень сильно зависит от оттенка, фактуры, наполнения «чистоты» и т. д. Желтовато-зеленый — цвет болезненный, желчный, злобный, раздражающий, ненадежный, опасный. Так, для того чтобы показать злость и опасность, очень часто глаза или лица персонажей политических карикатур и агитационных плакатов изображаются ядовитым желтовато-зеленым цветом.

Голубой — светлый, свежий, прозрачный, бодрящий, холодный цвет. Психофизиологическое воздействие: успокаивает нервную систему, расслабляет, пробуждает размышления, содействуя сентиментальному настрою, «удлиняя при этом время» и «расширяя пространство».

Политический символизм голубого напрямую связан с теми ассоциациями, которые он вызывает — прозрачная вода, мирное небо, чистота, спокойствие, мир; отсюда *голубые каски* ООН и вообще трактовка голубого цвета как цвета мира. В некоторых случаях голубой цвет обозначает отборные, элитные, привилегированные войска, например: *голубая дивизия* франкистской Испании, *голубые корпуса* шведских и норвежских отрядов, воевавших против Красной армии во время Финской кампании, и т. д.

Также голубой — партийный цвет тори и консерватизма в

целом. По этой причине в английском языке многие понятия, связанные с консерватизмом, имеют определение “blue”. Например, в США *blue laws* — пуританские законы (закрытие театров по воскресеньям, запрещение продажи спиртных напитков).

Как только к голубому добавляется серый, символизм его резко меняется. Серо-голубой — цвет грязной воды и грозового неба — вызывает чувство раздражения, беспокойства, опасения.

Синий — холодный, спокойный, серьезный, монументальный цвет. Его психофизиологическое воздействие таково, что созерцание этого цвета вызывает умиротворенность чувств, спокойствие, удовлетворенность, сензитивность, доверие, преданность. Синий был вербализирован одним из самых последних во всех культурах и языках. Основные ассоциации — небо, вечерние сумерки, даль, космос, бесконечность и вечность. Это самый трансцендентный и мистический цвет.

Как политический символ, синий используется в основном при конструировании государственных флагов и гербов, а также, в некоторых случаях, как символ мира на политических плакатах. Синий цвет и его оттенки, в отличие от большинства других цветов, лишены двойственности и амбивалентности, их значение устойчиво, независимо от наполняемости и чистоты оттенка.

В канадской политике *синие торы* — члены бывшей Прогрессивно-консервативной партии Канады и современной Консервативной партии Канады, являющиеся более консервативными, чем их однопартийцы — *красные торы*, — склоняющиеся к социальному консерватизму. Синие торы чаще всего выступают за неоконсервативную политику, в том числе за уменьшение роли государства в экономике, сокращение налогов и более значительную децентрализацию власти с передачей полномочий от федерального правительства к провинциям.

Фиолетовый — тоскливый, печальный, меланхоличный, суровый, гнетущий цвет. Психофизиологическое воздействие: сильнее, чем любой другой цвет, замедляет дыхание и увеличивает продолжительность выдоха, ослабляет пульс, уменьшает физическую работоспособность. В действии этого

цвета элемент угнетения, подавления сказывается сильнее всего, причем в сочетании с внутренним беспокойством, скрытым возбуждением, в результате чего получается болезненное состояние подавленности и беспокойства. При избыточном воздействии возможно сильное угнетение всех функций организма, вплоть до стойкой тревожной депрессии. Подобное действие фиолетового связано с тем, что это цвет грозных туч и ураганов и опускающихся сумерек.

Как политический символ фиолетовый используется в основном в плакатах и карикатурах для того, чтобы придать изображаемому предмету или сюжету смысл опасности, вызвать у воспринимающих объектов антипатию, негативное отношение к определенной личности, конкретным социально-политическим явлениям.

Серый — холодный, деловой, нейтральный цвет. Он не возбуждает и не успокаивает, а создает ощущение стабильности. Наиболее частые ассоциации — дым, туман, серьезность, деловитость, скромность, незаметность. В политике серый используется крайне редко: в 30-е гг. XX в. это символ фабрично-заводских корпусов, бетона и цемента, стальных машин. В 1970—1980-е гг. — цвет номенклатуры и советских чиновников, партийных функционеров.

Черный — мрачный, устрашающий, опасный цвет. Он производит сильное угнетающее и тормозящее действие, вызывая страх, печаль и депрессию. Основные ассоциации — тьма, опасность, земля, могила, смерть, неизвестность, агрессия, анархия, хаос, тупик. В политике черный — цвет траура (черные ленточки на флагах, черный лабрадорит Мавзолея В. И. Ленина), цвет агрессии (гитлеровские чернорубашечники). Иногда черный изображается на государственных символах, в частности на флагах, иллюстрируя тяжелое прошлое страны или выражая единство, стойкость, силы. Интересно, что история рабочего движения также связана с черным цветом как символом. В Западной Европе со времен Лионского восстания ткачей в 1883 г. черный цвет символизировал рабочее движение во Франции, Италии, Испании, и как символ бунтарства был принят анархистами всех стран.

В российской политической истории черный цвет связан

с так называемыми черными сотнями. В России черные сотни сформировались в конце XV в. в низовой среде московских ремесленников и мелких торговцев, которые твердо держались святоотеческой веры и национальных традиций и впоследствии враждебно приняли реформы Петра, после чего Россия разделилась на дворянскую империю и религиозное мужицкое царство, на гладко выбритый, в обтяжных панталонах, высший свет и бородатое, в тулупах простонародье.

В то же время черный цвет в странах Центральной, Северной и Восточной Европы отождествлялся в XIX в. с клерикализмом, а отсюда позднее, с конца XIX в., — вообще с реакцией. В России политический смысл этот цвет приобрел начиная с 1902—1903 г., когда его отождествили с черносотенством, ультра национализмом, а особенно известен стал после революции 1905—1907 гг. Все партии правее кадетов накануне революции 1917 г. считались «черными».

Белый — холодный, чистый цвет. Символизм белого связан со светом. Это символ божественности, духовности, святости, торжественности, величественности. Как политический символ белый цвет — это цвет мира, согласия, свободы, священности. Именно эти значения вкладываются при использовании белого цвета в государственных гербах и флагах. Белые, выступившие против Советской власти, избрали данный цвет, подчеркивая чистоту идей, за которые боролись.

3. УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧНОЕ В ПОЛИТИЧЕСКИХ КОЛОРАТИВАХ

Актуальный аспект исследования цветообозначений в политическом дискурсе — определение универсального и национально-специфичного в семантике колоративов.

С этим аспектом рассмотрения тесно связана гипотеза Сепира — Уорфа, или гипотеза лингвистической относительности, которая возникла в лингвистике США под влиянием трудов Э. Сепира и Б. Уорфа. По их мнению, язык и образ мышления народа взаимосвязаны. Овладевая языком, его носитель усваивает определенное отношение к миру, отраженное в структурах родного языка. Поскольку языки по-разному классифицируют окружающую действительность, то

и их носители различаются по способу отношения к ней: «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы не потому, что они самоочевидны; напротив, мир предстает пред нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном — языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [Whorf 1933: 213].

Следствием гипотезы лингвистической относительности является признание того, что язык хранит в себе определенную систему ценностей, а выражаемые в нем значения складываются в коллективную философию, свойственную всем носителям данного языка. Применительно к нашей теме это означает, что в сознании говорящего существует ряд базовых прототипических референтов, которые он использует при назывании того или иного цвета.

В опровержение гипотезы Сепира — Уорфа английские ученые Б. Берлин и П. Кей провели ряд исследований и пришли к выводу, что колоративы в различных языках относятся к языковым универсалиям. В книге «Основные цветовые термины» [Берлин, Кей 1949] описаны результаты изучения этимологии названий цветов. Авторы установили, что 95 % колоративов происходят от названий предметов, и лишь 5 % слов не имеют четкой этимологии. Кроме того, были открыты универсальные прототипы для определения одиннадцати основных цветообозначений, а также универсальная последовательность возникновения цветовых категорий в языках мира.

С одной стороны, цветовая лексика политического курса восходит к реально существующему цветовому спектру. С другой, уже Дж. Лакофф в работе «Женщины, огонь и опасные вещи» отмечает: «...Было бы ошибочным утверждать, что присущие человеку категории объективно существуют „в мире“, внешнем по отношению к человеческим существам. По крайней мере, некоторые категории воплощены. Например, цветовые категории детерминированы одновременно и объективным материальным миром, и особенностями биологии человека, и человеческим мышлением, и культурными факторами» [Лакофф 1996: 166].

Рассмотрим вопрос о соотношении универсального и национально-специфичного на примере анализа цветоименований в политических выступлениях американских политиков.

В ходе анализа речей таких видных политических деятелей, как Б. Клинтон, Х. Клинтон, А. Гор, Т. Джефферсон и Дж. Эдвардс, мы выделили семь наиболее часто употребляемых цветов: *white, black, grey, blue, red, green, yellow*. Они имеют ярко выраженную стилистическую окраску, так как придают высказыванию экспрессивность и эмоциональность, а также отражают личностное отношение говорящего к предмету высказывания и индивидуальную оценку происходящего со стороны политического деятеля. Например, известный американский политик Альберт Гор в речи, обращенной к американской нации по случаю трагедии 11 сентября, употребляет такие выражения, как *black moment* (тяжелая минута), *black ordeal* (странное испытание), *white fury* (неукротимая ярость), *grey thoughts* (мрачные мысли), *black despair* (безысходное отчаяние), *white propaganda* (открытая пропаганда). В речах политических деятелей часто встречаются такие сочетания, как *white war* — ‘война без кровопролития’ (экономическая, пропагандистская), *white crime* — ‘преступная деятельность’, и т. д. Среди словосочетаний с прилагательным *black* наиболее частотными оказались следующие: *black Monday* (черный понедельник, т. е. большой биржевый крах 19 октября 1987 г.); *black republican* (крайний, закоренелый республиканец), *black despair* (безысходное отчаяние); *black market* (черный рынок), *to be in the black* (вести дело с прибылью; быть платежеспособным), *black ordeal* (страшное испытание); *to swear black is white* (называть черное белым).

Анализ лингвистической репрезентации ораторских речей американских политических деятелей показал, что каждая лингвистическая единица, обозначающая цвет, имеет определенную лексико-фразеологическую сочетаемость, которая национальна (а не универсальна), так как присуща лингвистической единице только в конкретном языке. Приведем примеры: *red ideas* (революционные коммунистические идеи); *red tape* (бюрократизм, волокита); *red ink* (дефицит бюджетных средств); *red handed criminal* (преступник, пойманный с поличным); *to be in red* (быть в долгу, нести убытки). Прила-

гательное *blue* часто встречается в следующих сочетаниях: *blue law* (закон, регулирующий режим воскресного дня), *blue sky laws* (законодательство о контроле над капиталовложением, т. е. направленное против «дутых» предприятий в США); *blue helmets* (войска ООН); *blue book* (список лиц, занимающих государственные должности; перечень лиц, играющих особую роль в обществе); *blue sky research project* (неосуществленный проект).

Среди словосочетаний с прилагательными *grey* и *green* можно выделить следующие: *grey thoughts* (мрачные мысли); *grey market* (серый рынок — характеризуется продажей дефицитных товаров со значительной наценкой); *green workman* (начинающий рабочий); *green labour* (необученная рабочая сила); *green folding, green paper, green stuff* (все эти словосочетания обозначают «бумажные деньги»); *green dragon* (наркотические вещества).

Прилагательное *yellow* встречается в словосочетаниях *yellow discharge* (увольнение по дисциплинарным причинам); *yellow dog contract* (договор, обязующий работника вступить в профсоюз).

Итак, можно сделать вывод, что для английского языка традиционна корреляция черного цвета с чем-то плохим, а белого — с чем-то хорошим. Анализ ораторских речей видных политических деятелей показал, что колоративы употребляются не в прямых, а в переносных значениях, участвуя в образовании сочетаний слов, значения которых не всегда связаны с основными (прямыми) значениями исходных лексем, что представляет значительную трудность при переводе таких словосочетаний с английского на русский: *once in a blue moon* (очень редко); *to do something till one is blue in the face* (делать что-то усиленно, старательно, но безуспешно); *to black the work* (остановить работу в результате забастовки); *white crime* (преступная деятельность); *red tape* (бюрократизм волокита); *to vote blue* (голосовать за консерваторов); *in the green* (в раздумьях); *yellow discharge* (увольнение по дисциплинарным причинам) и т. д.

Как показал детальный анализ выступлений американских политиков, словосочетания, в состав которых входят лексем, обозначающие цвет, являются ярким стилистическим средством, передающим экспрессию оратора и служа-

щим для привлечения внимания слушателей (читателей) с целью оказания на них сильного психологического и эмоционального воздействия. Однако утверждение об универсальности стандартных смысловых значений подобных лексико-семантических групп слов не является бесспорным, по крайней мере в рамках политического дискурса.

Наше исследование показало, что не все политические колоративы имеют общечеловеческую природу. Похожие выводы обнаруживаются и при сопоставлении данных из немецкого и русского языка [Зольникова 2010]. Самые значимые цвета для лингвоцветовой картины мира русского языка — белый (22 %), черный (21 %), красный (13 %), зеленый (9 %) и синий (4 %). В лингвоцветовой идиоматической картине мира немецкого языка самое большое место отводится лексико-семантическому полю черного цвета (19 %), следом за ним идут синий (9 %) и белый (8 %).

Различия между политическими дискурсами проявляются не только в количественном составе и частотности употребления колоративов.

Таким образом, одна часть политических колоративов имеет универсальную природу, другая относится к области национально специфической лексики. Несмотря на очевидные связи с человеческой нейрофизиологией, значения названий цвета представляют собой артефакты культуры, которые аккумулируют социально-историческую, интеллектуальную, эмоциональную информацию конкретно национального характера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цветовые обозначения играют важную роль в политическом дискурсе. Колоративы используются в политической коммуникации не только как знаки, указывающие на принадлежность к той или иной социально-политической общности (например, *оранжевые* — приверженцы В. А. Ющенко, *серые* — советские государственные номенклатурные чиновники и т. д.), но и как символы, обладающие возможностью вызывать широчайший спектр различных ассоциаций, связывая в единую цепь «нужные» ощущения, эмоции, понятия, умозаключения, направляя мышление избирателей в необходимое

русло, создавая или укрепляя определенные позиции и установки по отношению к тому или иному социально-политическому явлению, которые могут привести впоследствии, если такая цель будет поставлена политическим субъектом, к конкретным действиям.

Номинации цвета способны выражать не только цветочные, но и не связанные непосредственно с цветом политические понятия. С одной стороны, восприятие и использование цвета в политическом тексте в значительной степени носит субъективный характер, с другой — цветообозначения являются неотъемлемым маркером определенной идеологической позиции.

Задача политической лингвистики состоит в изучении недостаточно освещенных вопросов реального бытования слов-цветообозначений в политическом языке, установлении путей развития этой тематической группы в политических дискурсах различных государств, описании различных дополнительных оттенков значений на примерах конкретных текстов. В исследовании колоративов интерес вызывает лексика, отражающая ценностные приоритеты и культурные стереотипы общества данной эпохи, изменения этих стереотипов, трансформации значений.

ЛИТЕРАТУРА

Бабайцев А. В. Политический символизм цвета // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2007. № 3. С. 56-62.

Баранова Л. А., Пономаренко Е. А. Новые значения прилагательных цвета в современном общественно-политическом дискурсе // Русский язык: исторические судьбы и современность : 3 Междунар. конгр. исследователей рус. яз. — М., 2007.

Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке / отв. ред. В. П. Филин. — М., 1975.

Берлин Б., Кей П. Основные цвета: их универсальность и видоизменения. — М., 1969.

Бородина М. А., Гак В. Г. К типологии и методике историко-семантических исследований. — Л., 1979.

Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. — М., 1997.

Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. — М., 2002.

- Войтасик Л. Психология политической пропаганды. — М., 1981.
- Городецкая Е. Я. К проблеме сочетаемости английских прилагательных, обозначающих цвет в политическом дискурсе // Вологдинские чтения. 2008. № 66.
- Даниленко О. В. Интертекстуальность в политическом дискурсе Украины (на материале программ политических партий). URL: http://journal.mosinyaz.com/page_114_34/.
- Зольникова Ю. В. Цветовые фразеологизмы как фрагмент идиоматической картины мира русского и немецкого языков (на материале лексико-графических источников) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тюмень, 2010.
- Иссерлин Е. М. История слова «красный» // Рус. яз. в школе. 1951. № 3. С. 10-12.
- Кайбияйнен А. А. Устойчивые атрибутивно-субстантивные сочетания с прилагательными цвета в современном русском языке : автореф. дис. канд. филол. наук. — Казань, 1996.
- Ковалева Т. Г. Имя прилагательное в политическом дискурсе: на материале текстов русских и немецких печатных СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2008.
- Колесов В. В. Свет и цвет в «Слове о полку Игореве» // Свет и цвет в славянских языках / сост. Karoly Gadanyi. — Melbourne, 2004.
- Кудрявцева Л. А. Особенности массмедийного политического дискурса Украины «послемайданного» периода. URL: <http://uapryal.com.ua/training/kudryavtseva-l-a-kiev-osobennosti-massmediynogo-politicheskogo-diskursa-ukrainyi-poslemaydannogo-perioda/>.
- Кульпина В. Г. Лингвистика цвета: термины цвета в польском и русском языках. — М., 2001.
- Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. — М., 1996.
- Макеев И. В. Семантика цвета в разноструктурных языках : автореф. дис. канд. филол. наук. — Саратов, 1999.
- Мичугина С. В. Денотативное пространство прилагательных цвета в английском языке : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2005.
- Норманская Ю. Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках. — М., 2005.
- Светличная Т. Ю. Сравнительные лингвокультурные характеристики цветообозначения и цветовосприятия в английском и русском языках : дис. ... канд. филол. наук. — Пятигорск, 2003.
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии : пер.с англ. — М., 1993.
- Синельникова Л. Н. Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса // Политическая лингвистика. 2010. № 1(31). С. 34—38.
- МАС = Словарь русского языка : в 4-х т. 2-е изд. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. — М. : Рус. яз., 1981—1984.

Ушаков = Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935—1940.

Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г. Н. Складневской. — М., 2001.

Тэрнер В. У. Символ и ритуал. — М. : Наука, 1983.

Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. — М., 1960. Ч. 2.

Фрумкина Р. М. Психоллингвистика. — М., 2006.

Яньшин П. В. Психосемантика цвета. — М., 2006.

Whorf B. The Phonetic Value of Certain Characters in Maya Writing. — Cambridge, 1933.